

Михаил Веллер

О Дикий Запад!

*Часть сборника
Нежелательный вариант
(сборник)*

Михаил Веллер
О Дикий Запад!

«АСТ»

1988

Веллер М. И.

О Дикий Запад! / М. И. Веллер — «АСТ», 1988

ISBN 978-5-271-41361-2

«...Вот же окопались сценаристы в кино – гранатометом не вышибешь, насмерть держат рубеж у заветного пирога.– Да? Напиши хороший сценарий. И посмотри, как от него в кино ничего не останется: режиссер гений, актеры гении, сценарист дурак, пшел вон, болван, не путайся под ногами.– Да я бы им под холодную закуску левой ногой такое заворачивал за полгонорара – никакой постановкой не угробить, за счет голого сюжета и раскладки ситуаций фильм бы на ура держался. Народу простого кина охота, чтоб дух захватывало, и похохотать, и слезку вытереть.– А-а! Так что ж ты тут сидишь? Давай, заворачивай.– Да элементарно! Сейчас я тебе кинуху расскажу – финиш. Еще все будет перед глазами стоять, покажется потом, что ты это точно в кино видел!– Ну-ну. Гомер из Конотопа. Представляю себе эту развесистую клюкву.– Слушай внимательнее и тогда представляй. Сейчас...»

ISBN 978-5-271-41361-2

© Веллер М. И., 1988

© АСТ, 1988

Михаил Веллер О дикий Запад!

– Как они там кино делают – черт их знает! Ну ладно – плохо поставлено. Ну ладно – плохо играют. Ну ладно – дешевый фильм, мало декораций, слабая работа. Но ведь все равно – миллионы денег ухлопано! Так ведь еще и изначально придумано плохо! Ведь самое простое, самое дешевое в кино – это сценарий: один человек плюс один карандаш. Ну хоть придумать-то можно хорошо? Время на это-то есть? А то ведь смотришь боевик: убожество слезное, мозговая плесень! Хороший сценарий – так хоть есть что ухудшать. Они же нулевыми средствами тянут нулевой сценарий – бред обреченных. Вот же окопались сценаристы в кино – гранатометом не вышибешь, насмерть держат рубеж у заветного пирога.

– Да? Напиши хороший сценарий. И посмотри, как от него в кино ничего не останется: режиссер гений, актеры гении, сценарист дурак, пшел вон, болван, не путайся под ногами.

– Да я бы им под холодную закуску левой ногой такое заворачивал за полгонорара – никакой постановкой не угробить, за счет голого сюжета и раскладки ситуаций фильм бы на ура держался. Народу простого кина охота, чтоб дух захватывало, и поохотать, и слезку вытереть.

– А-а! Так что ж ты тут сидишь? Давай, заворачивай.

– Да элементарно! Сейчас я тебе кинуху расскажу – финиш. Еще все будет перед глазами стоять, покажется потом, что ты это точно в кино видел!

– Ну-ну. Гомер из Конотопа. Представляю себе эту развесистую клюкву.

– Слушай внимательнее и тогда представляй. Сейчас.

Вот. Допустим, так.

Кадр первый.

Смоленный борт шхуны, нос режет морскую волну. Солнце, голубизна, чайки кричат, кружась над мачтами. У фальшборта – обросшие, обветренные моряки жадно вглядываются: родной берег!

Пыльная улица китобойного поселка на Восточном побережье Штатов: темные домики с садиками, собаки у заборов, баркасы и сети у причалов, дымок кузницы, крест церкви. Вниз, к берегу, несутся мальчишки с воплем:

– Шхуна пришла!

Девушка, красивая, юная, белокурая – щемящая сказка, а не девушка! – поворачивает лицо. Видит что-то вдаль: бледнеет, вспыхивает, розовые детские губы приоткрываются...

– Слушай, ты когда-нибудь в Штатах был?

– Нет; а зачем? А ты?

– Зачем же ты берешься за то, что знаешь только по глупым фильмам и книжкам? Я бы сказал, что это вторично, если бы это не было третично и четвертично! Раскрашенный картон, а не жизнь.

– А наплевать – зато интересно. Зрителю нет дела до эстетических тонкостей – какая разница, что там вторично, а что нет, главное, чтоб здорово было. Итак, повторяю для дундуков:

...розовые детские губы приоткрываются. Приоткрываются, понял? Я сказал! Ага... приоткрываются, что-то беззвучно и счастливо шепча, слезинки тихо скатываются из сияющих глаз, грудь ее вздымается от прерывающегося взволнованного дыхания.

Во – именно это лучше пустить первым кадром.

А дальше:

Белый парус на грани синего неба и синей воды.

А дальше – борт шхуны и моряки.

А дальше – возбужденная и восторженная суeta на берегу: толпа у причалов машет, вытягивает шеи, галдит. А шхуна близится к берегу.

Или нет – лучше так:

Первый кадр:

Прелестная девушка, несчастное лицо, отрицательное движение, прерывающийся голос:

– Нет... никогда. Он вернется. Он сказал, и он вернется...

Угрюмое и сильное лицо молодого мужчины, черные кудрявые волосы, резкие черты, мрачно горящие глаза:

– Два года прошло. Он не вернется! Его давно нет, нет! А я – я умру за тебя... Я люблю тебя. Я сделаю все, чтоб ты была счастлива...

– Нет!.. Я буду ждать его тысячу лет. Стариком. Калекой. Даже в могиле я буду ждать его! – Голос девушки дрожит, звенит от слез.

Вот тут она и замечает парус.

Итак: толпа на берегу: женщины и принаряженные, и растрепанные – только от корыта, старики с палками, шейные платки, кожаные куртки, морщины выдублены соленым ветром, кто-то смотрит в подзорную трубу, кто-то держит ребенка на руках.

Мужские замечания:

– В полном грузу.

– Верных три тысячи бочек ворвани.

– А грот-стенгга-то у них заменена! Здорово, видно, потрепало...

– Ты хоть знаешь, что такое грот-стенгга?

– Неважно. Знаю. А что?

– Нельзя же лепить такие дикие стертые штампы!

– Почему это нельзя? Можно. Ты не знаешь, что такое сила штампа! Это ж готовые образы, страсти, – только платок от слез выжимай! Я такое штампами наштампую – не ото-рвется ни один эстет: губки покривит, а проглотит, еще и поскребет его по сердечку!

– Да мне неинтересен этот какой-то детский наивняк!

– Гражданин, заткнитесь или выйдите из зала! Кино началось!

Так на чем я остановился? Да:

...Стучает о доски причала швартов, плещет волна, падают сходни.

Прелестная наша девушка и светловолосый, небольшой и крепкий юноша на носу шхуны неотрывно смотрят друг на друга.

Идут титры – на фоне счастливых встреч, объятий и слез на причале, отцы подбрасывают выросших без них детей. На встречу нашей влюбленной пары мрачно смотрит с краю толпы тот самый молодой мужчина: кожаный фартук, тяжелые руки – очевидно, он кузнец.

– Все вернулись! Все!

– Три тысячи двести бочек!

– У гарпунера рука – тверже железа! – Здоровенный детина с пиратской повязкой через глаз любовно хлопает по спине светловолосого крепыша. Тот замер, осторожно глядя волосы приникшей к его груди девушки.

Внезапно юноша обводит взглядом толпу:

– А где мать?

В кадре оживление стихает. Резкая смена настроения. Люди молчат, не встречаясь с ним взглядом.

– Почему моя мать меня не встречает?

В тишине юноша бросает взор вдаль: на холме над берегом – кресты поселкового кладбища под зелеными вязами.

– Мать...

Пастор в черном приближается в раздавшейся толпе.

– Мужайся, сын мой... Нет, она жива. И ждет тебя – в твоём доме. Она уже услышала Господа, призывающего ее... Но не могла уйти, не простившись с тобой...

Кадр следующий:

Тяжело дыша от торопливого шага, почти бегом вверх на крутой берег, юноша почти вбегает в калитку: скулит и счастливо машет хвостом старый пес. Рассохшееся крыльцо, ветхая дверь: юноша влетает в дом.

И застывает: тревога на лице сменяется счастливым удивлением:

Мать, прямая и строгая старуха со следами редкой красоты в прошлом, стоит у накрытого стола и тихо улыбается.

– Мама!..

– Почему ты так тяжело дышишь? Я просто хотела встретить тебя на пороге родного дома. Люди сказали тебе что-нибудь? Глупости, мой мальчик... Материнское сердце просто чувствовало, что ты вот-вот вернешься, и от волнения я немножко ослабла. А сейчас все хорошо. Ну, помойся с дороги, сынок: я испекла твой любимый яблочный пирог. И зажарила индейку. Только мой руки как следует, а не растирай грязь по полотенцу!

Оба улыбаются.

– Теперь мы будем хорошо жить, мама! Я вернулся!

– Такую чушь могли сочинить пятиклассники в пионерлагере.

– Пятиклассники в пионерлагере начистили бы тебе чайник, если б ты мешал им так, как мне. Но я выше ваших укусов, ясно?

Кадр следующий:

Вечер в таверне: празднуется возвращение шхуны. Свечи на грубых столах, пиликают скрипки, дым глиняных трубок, эль в кувшинах и виски в квадратных бутылках, моряки с женами за одним длинным столом, смех, рассказы, гарпунер с невестой на почетном месте.

– А теперь – за того, чей гарпун принес нам удачу!

– Он получает два с половиной пая – а добыты им все паи!

– Не красней, как девушка!

– Твое здоровье!

Танцы. Все слегка пьяны, говор громок, лица раскраснелись, пламя свечей пляшет.

И мрачно смотрят из угла на невесту глаза кузнеца: при встрече с ними она слегка вздрагивает и отворачивается.

– Кто этот парень, который так на тебя смотрит?

– Не обращай внимания, милый...

Застолье распадается на группки; гарпунера угощает за своим столом колоритный старик с ногой-деревяшкой:

– В мои времена таких вещей не прощали. Два года он не давал проходу твоей невесте...

Гарпунер подходит к столу кузнеца, встающего под его взглядом. Оба чуть пьяны. Кузнец вдвое крупнее невысокого, несильного на вид гарпунера.

– Я не хочу драки в этот день. Я вернулся, и пусть будет забыто все. Но если еще раз ты на нее посмотришь... – сжимает кулак.

Кузнец заносит свой огромный кулачище.

Наступает мертвая тишина.

Гарпунер резко бьет – кузнец застывает и мешком рушится на пол. Но пока гарпунер возвращается на свое место, хлебнув из чьей-то кружки по дороге, кузнец поднимается и сзади, зверским ударом по уху... – нет – гарпунер успевает пригнуться, и удар достается одноглазому детине. Тот, даже не покачнувшись, в ярости швыряет кузнецу в голову кружку – он пригибается – кружка разносит кувшин пива в руках моряка за другим столом. Начинается всеобщая драка: женский визг, бутылки бьются о головы, разлетается мебель, рушатся перила, звенькают ломающиеся скрипки, миски с салатом надеваются на головы. И после каждого наносимого удара – замах его стремительны и страшны – скупое и обаятельно усмехается гарпунер, обнажая ровные белые зубы: его враги разлетаются, как кегли.

Кадр следующий: утро, парень этот с кряхтением встает с кровати дома, держась за поясницу, хромая: огромный синяк под глазом, нос распух, на лбу шишка. Пьет воду на крыльце: собака в ужасе от вида хозяина скулит и закрывает глаза.

Он корчит рожи в зеркало: смех и кошмар! Погуляли...

И вдруг замечает: что-то не то... Тревожно проходит в другую комнату. А там:

Мать в черном платье лежит поверх убранной постели, бледная как смерть.

– Мама!..

– Не пугайся, сынок... Я встретила тебя... теперь все в порядке. Вчера... я не должна была портить этот день... мой сын вернулся настоящим мужчиной... Таким может гордиться любая мать.

Ну, что ты меня так сжал... У тебя будет хорошая жена. Верная, любящая... работающая, скромная, красивая. Я благословляю ваш брак. Но раньше... Раньше, чем я прошусь с тобой, раньше, чем ты женишься и станешь главой семьи... У вас будет много детей... жаль, не успела понять их... Уж прости старуху-мать.

Слеза стекает по его разбитому лицу на дрожащие губы.

– Мой сын не должен уметь плакать. Я запрещаю тебе. Так вот... Раньше ты сделаешь одну вещь. Обещай мне.

– Обещаю, мама...

– Помни.

– Клянусь, мать.

– Хорошо...

Я никогда не говорила тебе об отце. Говорила, что он умер, когда тебя еще не было...

Твой отец был красив, весел... по нему сходили с ума все девушки... Нет, я зачала тебя не в грехе... мы обвенчались – ночью, тайно. Моя семья никогда не отдала бы дочь за нищего бродягу... но мы были молоды, и любили, и не знали препятствий. Мы бежали; семья прокляла меня; братья искали с ружьями... я умерла бы с ним вместе.

Я прожила счастливую жизнь... каждую минуту ее я любила своего мужа. Но он, он не знал, что такое верность... кровь играла в нем, и он не мог противиться. Он изменил мне! я носила тебя под сердцем... я ушла ночью. Говорят, он искал меня долго...

Прошло уже двадцать лет. Иногда доходили слухи: он сейчас где-то на Западе – где сходят с ума по золоту и становятся миллионерами. Год назад приезжал человек из Калифорнии... он его видел... богатым...

Ты найдешь его. Это моя последняя воля. Ты отдашь ему вот этот медальон... это его свадебный подарок... Скажешь, что я любила его и была верна... я вырастила его сына настоящим мужчиной... что перед смертью я простила ему... но не освободила от слова – он навсегда мой! Только мой...

На столе, рядом с горящей в свете дня свечой – медальон на золотой цепочке: юное девичье лицо, лукавое и печальное, в обрамлении пепельных кудрей. Внизу ажурной золотой рамки – крестик, вспыхивающий крохотными лучистыми камнями.

Крестик расплывается, увеличиваясь и бледнея, сквозь него проступает массивный и простой чугунный крест.

Кладбище. Свежий надгробный холмик с крестом. Молчаливый кружок народу. Пастор со скорбным, простым и величавым лицом. Опустив головы, все расходятся. Колокольный звон плывет над старыми вязами, стелющейся под ветром травой; рваные тучи, пенное серое море. Невеста идет, обняв обеими руками руку юноши.

...Вечерняя заря – малиновая кромка – гаснет над краем пшеничного поля. Он и она.

– Что я сделала... Я ни о чем не жалею... Я люблю тебя. Ты мой муж. Мой мужчина. Сильный... Справедливый...

– Теперь я буду с тобой всегда. Всегда, жена моя...

Ночь, дерево, калитка.

– Это надолго? Надолго? – Она тревожна, чуть не плачет.

– Я вернусь скоро. – Он печален, но тверд и уверен.

Хмурый рассвет: он выходит на крыльцо – в высоких сапогах, широкополой шляпе. Ставни закрывает, их и двери заколачивает досками крест-накрест. Отвязывает с цепи собаку, целует ее в морду.

У забора привязан конь. Садится в седло, опустив в переметную суму узелок: носовой платок с горстью земли с родного порога.

Уходящая вдаль к встающему солнцу дорога, силуэт удаляющегося всадника, сидящая на дороге собака с задранной мордой тихонько скулит, и девушка, тоненькая, с распущенными золотыми волосами – смотрит вслед, и опускается ничком в дорожную пыль.

Дальше: палящий полдень, он скачет на лошади невероятно комически, кособоко подпрыгивая и трясясь.

– Тпр-ру!..

Охая с мученическим лицом, держась за зад, кое-как сползает на землю.

– Ох-х... сплошная мозоль. И как на них люди ездят?.

Умывается и пьет из ручья, ложится в тени, кричит – и, потирая зад, переворачивается на живот. Лошадь трясет головой и сочувственно ржет.

...Веранда салуна: ковбои в качалках закинули на перила ноги в сапогах с высокими каблуками. Дым сигар, кони у коновязи.

Легкое оживление на невозмутимых лицах: появился наш ковбой. Язвительные замечания.

Он, растерзанный и потный, с грохотом спешивается, чуть не падая. Вростопырку, старательно и неумело привязав лошадь, поднимается по ступеням, неумело и вежливо приветствуя. Все обмениваются ироническими взглядами. Вслед ему – издевательский хохот.

Салун: расхлябанное пианино, дым, игра в кости. Он спрашивает у стойки пиво – и вливает в себя кружку, как в ведро опрокидывает. Вторую. Четвертую. Блаженная улыбка. Шестую.

– Не подать ли ведро, сэр? – осведомляется бармен.

– По-моему, этот парень дырявый.

– Просто он работал раньше пожарным насосом.

Подходит громила:

– Поставьте кружечку, мистер. – Вежливо-нагл.

Приветливая улыбка:

– Пожалуйста.

– И мои друзья – они тоже истомились жаждой. – Широкий жест назад – полдюжины обросших оборванцев нахально ждут. – Правда, желудки у бедных малюток малы для пива, приходится пить виски.

Наш ковбой отворачивается. Шуточки: «Он пьет за свою лошадь тоже». «Отодвиньтесь, джентльмены – сейчас из него брызнет».

– Вам не залило пивом уши, сэр? – Громила наклоняется к нему. – Разве вы не слышали просьбы? – Льет на него пиво из кренящейся кружки. Хохот.

Наш ковбой последним усилием воли сдерживается – и резко бьет его. Колотуха у него – пушка! (Ну, рука-то – гарпун в кита всаживать!) Громила безжизненно валится на пол.

Оборванцы бросаются на него – разлетаясь под ударами. Всеобщая махаловка: рушатся перила, разносятся столы, со звоном разлетаются бутылки, на рояле визжит задравшая юбки девица – пьяный нежно лапает ее за ноги, удивленно их разглядывая – и с аккордом падает на клавиши.

За столиком в тихом углу – крупный немолодой человек с сильным резким лицом: тяжелая челюсть, седые виски, ковбойский костюм – мэн что надо. Когда очередной драчун летит на его стол – он смахивает его в сторону или отшвыривает ногой, не выпуская сигары из зубов и стакана из руки. С одобрением следит за нашим.

Перед ним – карты и кучки денег: шла игра.

Нашего парня одолевают: целая куча держит и бьет.

Седоватый мэн сгребает все деньги со стола в карман, допивает стакан и спокойно подходит к махаловке. Раскидывает всех:

– Здесь кто-то хотел пить? – Кидает ожившего громилу через стойку в лохань с водой.

– И бедные малютки тоже? Они пьют только виски?

«Малютки» поочередно летят в стойку с бутылками: грохот, звон.

Бармен:

– Сэр, у меня салун, а не похоронная контора. Зачем в моем бизнесе столько покойников? Неплатежеспособных покойников, сэр!

Обходя стойку, громила – после лохани вода течет с него – поднимает руку с кольцом. Мэн хватает стакан, швыряет: громила со стоном роняет кольт, с его запястья капает кровь.

Мэн вытаскивает свой кольт. Гробовая тишина.

Выстрел. Громила отшатывается: в стене сбоку его головы дырка от пули. Выстрел. Отшатывается: дырка с другой стороны. Мэн, холодно:

– Ну, прочистило тебе уши? Или требуется сквозняк в чердаке?

Швыряет бармену деньги из кармана – они, кружась, опускаются.

– О! – Бармен кланяется. – Можете продолжать, джентльмены, если вам это доставляет удовольствие. Девиз моего заведения – клиент не получит отказа ни в чем.

И вот, значит, раскачиваясь рядом в седлах, едут верхом по дороге среди зарослей мэн и наш парень, – один спокоен, ловок в седле, другой – растерзан и неуклюж.

– Зачем ты вмешался?

– Я люблю, когда один бьет всех. И не люблю, когда все бьют одного. – Мэн почти не шевелит ртом с сигарой.

– Чего они ко мне привязались?

– Разве сильному нужен предлог, чтоб бить слабого?

Мэн бьет ребром ладони по нависшему над дорогой суку – сук переламывается и падает.

– Ого!

– Этому меня научил один японец в Сан-Франциско.

Вынимает кольт, сшибает на лету птичку.

– Ого!

– Взамен я научил его стрелять.

– И где он теперь?

– Кто? – Мэн с затяжкой цедит слова.

– Ну, тот японец.

Мэн многозначительно-иронически смотрит на небо:

– Он оказался слишком способным учеником. Достиг больших высот, чем рассчитывал.

– Как это?..

– Довольно просто. Перестрелял столько народу, что восхищенные жители в знак его превосходства повесили его повыше.

...Короче, мэн тоже держит путь на Запад – «есть у меня там одно дельце». А с попутчиком веселей. И вообще ему нужен напарник в пути. А парень ему нравится.

И мэн начинает учить его всем ковбойским премудростям: кадры так и меняются:

Мэн лихо вскакивает в седло – парень неуклюже подражает и валится, как куль, с лошади, – мэн изумленно кривится.

Мэн швыряет кольт из правой руки в левую и шестью выстрелами сносит с черты шесть камешков; парень роняет кольт, мажет пять, а шестым дырявит ведро, из которого пьет лошадь – она укоризненно ржет.

Мэн бьет ладонью левой руки по курку, сажая барабан пуля в пулю в толстый ствол дерева – парень неуклюже хлопает по кольцу.

Мэн прыгает на коне через ручей – парень с брызгами летит в воду.

Мэн набрасывает лассо на горлышко бутылки – парень комично-неловко набрасывает лассо ему на голову.

Мэн легко парирует его удары, швыряя его в разные стороны, как тряпичную куклу. Но раз парень попадает ему в челюсть – мэн валится. Придя в себя – парень перепугался – мэн одобрительно усмехается: «Уже лучше...»

В одежной лавке мэн выбирает ему экипировку: замшевую куртку с бахромой, стетсон, шейный платок. В сапожной – сапожки с высокими каблуками: парень на них спотыкается. В шорной – седло и сбрую. В оружейной – револьвер и патронташ. На ярмарке – коня.

Качаются рядом в седлах два ковбоя – хана всему: старый волк и юный.

– Но я истратил почти все деньги!

– Зато теперь ты доберешься до места. Покойникам деньги еще никогда не помогали.

Заходят в салун, парень небрежно швыряет последние монеты на стойку. Их повадка всем внушает почтение.

За столиком мэн достает карты, предлагает парню перекинуться на последние его деньги. Тот непонимающе берет карты. Играть в покер не умеет. Один его поправляет, не выдерживая, – парень молча, не вставая, бьет его ребром ладони по горлу – тот улетает.

– Возможно, у вас принято вмешиваться в игру и говорить под руку, джентльмены? – Мэн разряжает обстановку. – Если ему угодно проиграть мне, это только наше с ним дело.

Пара человек подсаживается, завязывается игра. Мэн живо обдирает парня, потом спускает почти все одному местному, потом кучу выигрывает. Из выигрыша ставит всем выпивку – задабривая.

Вечером в комнате салуна наверху при свече отсчитывает парню половину выигрыша: «Твое». В ответ на недоуменный взгляд: «Это справедливо. Завтра объясню...»

Парень в темноте, шепотом: «Ну почему?..»

Мэн: «Послушай, я ведь тебе не жена, и ночью хочу только спать. Что за объяснения при луне... романтика...» – Храпит.

В лесу играют вдвоем в карты на пне. Мэн с треском тасует колоду, пуская карты вее-ром. Парень пытается повторить. Мэн: «Следи внимательнее за моей правой рукой». Сдает, открываются: у парня каре, у него – флеш-рояль. Сдает парень: все вразнобой. Мэн сбрасывает три карты: «А теперь следи внимательнее за моей левой рукой», – добывает до флеша. Парень изумлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.